

КРИТИКА ЗНАЧЕНИЯ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА

БОРИС НЕФЁДОВ

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена исследованию представлений о Вестфальском мире, сложившихся в истории международных отношений, а также в общей теории международного права в результате противостояния доктрин о фундаментальном значении для указанных наук Вестфальских договоров 1648 года и, наоборот, об отсутствии какого бы то ни было их влияния на становление современной системы международных отношений и формирование современной системы международного права. В самом деле, многие положения, приписываемые договорам Вестфальского мира, не имеют в них своего буквального закрепления и часто вытекают только из толкования их норм. Вместе с тем критики их значения для истории международных отношений и их международно-правового регулирования, анализируя исключительно дословный текст этих договоров и игнорируя условия их разработки и принятия, в свою очередь, также не смогли дать им адекватную оценку. Вестфальский конгресс, на котором были разработаны и приняты соглашения, объединяемые понятием Вестфальского мира, – веха в становлении современной системы международных отношений, поскольку в ходе его работы получили признание в виде обычных норм общего (европейского) международного права положения, имевшие принципиальное значение для её формирования. Более того, сами эти договоры в силу своего общеевропейского характера дали миру образец договорного создания норм всё того же общего (пусть пока только для Европы) международного права и тем самым явились важнейшим этапом формирования международного права как правовой системы.

Ключевые слова:

Вестфальский мир; Вестфальский конгресс; общее международное право; источники общего международного права; толкование международных договоров.

Вестфальский мир – значимое событие в истории человечества. В памяти народов Европы с ним связано завершение первой общеевропейской войны 1618–1648 годов (получившей название Тридцатилетней), которая «на столетия осталась самым страшным бедствием, какое только может представить человеческое воображение. Только XX век с его мировыми конфликтами» оставил позади её

ужасы и бессмысленные жестокости [Алексеев 1961: 219].

То, что обычно называют Вестфальским мирным договором, на самом деле обозначает не один, а два неразрывно связанных между собой мирных соглашения: Мюнстерское (заключённое между императором Священной Римской империи германской нации и Францией с их союзниками) и Оснабрюкское (заключённое между тем

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.02.2022

Дата принятия к публикации: 04.07.2022

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email: boris-nefedov@mail.ru

же императором и Швецией с их союзниками), подписанных 24 октября 1648 года¹. По причине взаимообусловленности этих договоров и пересечения их ключевых положений² начиная со времени заключения их принято рассматривать в совокупности и называть как единый документ – «Вестфальский мирный договор», «Вестфальский договор», «Вестфальский трактат», «Вестфальский мир»³. Так же поступаю и я в отношении этих документов в настоящей статье.

До недавнего времени в политологии, истории международных отношений и науке международного права Вестфальский договор рассматривался в качестве значимой вехи, фундаментальной основы построения современного мирового порядка. Считалось общепризнанным, что Вестфальский мир был отправной точкой формирования современной системы международных отношений (см. подробнее: [Morgenthau 1948]), основанной на принципах государственного суверенитета, суверенного равенства государств⁴, общего согласия на невмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств.

Кроме того, с Вестфальским конгрессом и заключёнными на нём договорами связывалось появление классического международного права, то есть международного права как правовой системы, закрепление за государствами роли основных субъектов

международного права [Саямов 2018: 98] и создание новых видов источников международного права. Мало того, считалось, что в своём тексте Вестфальский договор «сформулировал декларативную теорию признания, предусмотрел применение коллективных санкций против агрессоров, мирные средства разрешения споров, внёс изменения в правовой режим рек, трансформировал статус консулов» [Левин 1992: 53]. Эту позицию долгое время разделяло абсолютное большинство учёных (как отечественных, так и зарубежных), а для нашего государства в советское время её вообще можно признать традиционной [Фархутдинов 2019: 21].

С 2000-х годов указанные подходы к значению Вестфальских соглашений для политологии, международных отношений и истории (а также общей теории) международного права были подвергнуты сомнению. В рамках развернувшейся дискуссии сторонники переосмысления сложившихся представлений о Вестфальском мире, опираясь на тщательное изучение текстов составляющих его договоров, не без оснований стали говорить о том, что их оппоненты идеализируют имеющиеся формулировки, придают им значение, которое в них прямо не содержится, а иногда и просто приписывают им содержание, которое в них отсутствует, и потому важность этих договоров сомнительна, роль закреплённых в них положений для развития

¹ Текст договоров на латыни см.: Acta Pacis Westphalicae. URL: <http://www.pax-westphalica.de/> (дата обращения: 25.12.2021). Иногда в доктрине к этим договорам добавляют Мюнстерский мир, подписанный между Нидерландами и Испанией в январе 1648 г. и ратифицированный в Мюнстере 15 мая 1648 года, но в этом вопросе мы будем придерживаться классического подхода.

² Они даже получили название двух «инструментов» мира – Instrumentum Pacis Osnabrugensis и Instrumentum Pacis Monasterensis.

³ Указанные договоры были приняты на Вестфальском конгрессе, название которого также имеет собирательный характер, так как он организационно проходил одновременно в двух разных (хотя и расположенных недалеко друг от друга) городках немецкой области Вестфалия – католическом Мюнстере и протестантском Оснабрюке (откуда и название договоров). Тем не менее деятельность прибывших на конгресс представителей европейских государств и государствовообразовательных (как в Мюнстере, так и в Оснабрюке) рассматривалась и в 1648 г. как совместная работа в рамках единого съезда, и такой подход остаётся доминирующим и в настоящее время как в отечественной [см., например: Поршневу 1970: 76–105; Беляев 2000; Прокопьев 2002; Мартенс 2008: 25], так и в зарубежной [см., например: Whaley 2012; Croxton 2013; Patton 2019] научной литературе.

⁴ Киссинджер Г. писал, что «устанавливалось “коренное” равенство суверенных государств» [Киссинджер 2014: 24].

международных отношений и международного права несоразмерно завышена, а концептуальность содержания по неизвестной причине просто мифологизирована (см.: [Osiander 2001: 251–287; Куприянов 2019. №3: 37–50; Куприянов 2019. №4: 11–23; Фархутдинов 2019. № 6: 21–31; Фархутдинов 2019. № 7: 23–39]).

Изменение оценок Вестфальского мира

Для целей нашей работы кратко остановлюсь на генезисе появления в науке самой точки зрения о необходимости пересмотра значения Вестфальского мира. Её сторонники «основоположником базового Вестфальского мифа» [Куприянов 2019. №3: 40; Фархутдинов 2019. № 6: 21] признают американского юриста-международника Л. Гросса, который в далёком 1948 г. опубликовал в американском журнале международного права статью, посвящённую 300-летию Вестфальского договора [Gross 1948: 20–41]. В ней он рассматривает Вестфальский мир в качестве отправной точки современной мировой системы и международного права, называет его «величественным порталом, ведущим из старого мира в новый», знаменующим собой «конец одной эпохи и начало другой». Этот подход в дальнейшем и оказался подвергнут критике, а поскольку Л. Гросс был не политологом, а юристом-международником [Osiander 2001: 253], то и в отношении его самого был сделан вывод, что «отсутствие достаточных исторических познаний привело его к спекулятивным выводам без должной доказательной базы» [Куприянов 2019. №3: 40].

Первым, кто усомнился в выводах Л. Гросса, стал американский международник Стивен Краснер [Krasner 1993: 235–264]. Тем не менее активное внимание к этой проблеме привлекла не его работа, а вышедшая в 1999 году (то есть спустя 6 лет) статья Д. Кростона «Вестфальский мир

1648 г. и истоки суверенитета» [Croxtop 1999: 569–591], а затем – опубликованная в 2001 г. программная работа А. Осиандера «Суверенитет, международные отношения и Вестфальский миф» [Osiander 2001: 251–287]. Вторая волна интереса к проблеме обозначилась в 2009–2011 годах (см. подробнее: [Куприянов 2019. №3: 40–41]).

Несмотря на то что отдельные работы зарубежных критиков Вестфальского мира были опубликованы в России ещё в начале второго десятилетия XXI века (например: [Тешке 2011]), господствующие представления о нём они никак не поколебали, и только обстоятельные статьи А.В. Куприянова, вышедшие в 2019 году, наконец вызвали интерес к этой теме со стороны отечественных учёных, среди части которых (что, впрочем, бывало и раньше) довольно ярко стал проявляться «эффект внезапного прозрения»⁵.

В обоснование своей позиции приверженцы «развенчания Вестфальского мифа» стали обращать внимание на то, что в самом тексте рассматриваемых договоров отсутствует упоминание приводившихся выше принципов межгосударственных отношений (как и вообще о каких бы то ни было принципах), ничего не говорится о государственном суверенитете, об установлении формального равенства государств, о формировании некоего баланса сил, о признании не монархов, а государств субъектами международного права, а также отсутствуют отсылки к новым источникам международного права. По их мнению, Вестфальские соглашения привели ещё только «к созданию политических и религиозных условий, которые позволили европейским державам выстраивать новый международный правовой порядок» [Lesaffer 2004: 10] в будущем. Между тем первым договором, установившим этот новый порядок, был на самом деле не Вестфальский мирный договор, а Утрехтский

⁵ В качестве наиболее последовательного ниспровергателя «Вестфальского мифа» среди юристов-международников сегодня стоит выделить известного учёного И.З. Фархутдинова, который во многом попал под влияние «революционной новизны» аргументов критиков значения Вестфальского мира.

мир, заключённый в 1713 году [Lesaffer 2014; Фархутдинов 2019. № 7].

По итогам проведённого анализа критики пришли к выводу, что в договорах Вестфальского мира речь идёт исключительно об урегулировании ряда религиозных вопросов⁶, закреплении послевоенных территориальных изменений⁷ и о договорной фиксации отдельных положений, не оказавших существенного влияния ни на международные отношения, ни на международное право⁸. При этом в основной массе его норм только «скучно до безобразия описывается порядок реституций и подтверждаются древние привилегии графов, епископов и городов Римской империи» [Фархутдинов 2019. № 6: 27]. С точки зрения сторонников этой концепции, ни в практику, ни в теорию международных отношений и их международно-правового регулирования этот мирный договор не привнёс ничего нового. Следовательно, вся его ценность для истории сводится лишь к тому, что он прекратил Тридцатилетнюю войну.

Таким образом, тезис о том, что Вестфальский мир 1648 г. открыл новую страницу в истории международных отношений и их международно-правового регулирования, был объявлен «не соответствующим исторической действительности», а утверждение, что он лёг в основу Вестфальской модели мирового порядка, — «историческим мифотворчеством» [Фархутдинов 2019. № 6: 27].

Аргументы «за» и «против» значения Вестфальского мира

Учёное сообщество оказалось расколото на два лагеря применительно к определению значимости Вестфальского мирного договора 1648 г. для теории и практики международных отношений и их международно-правового регулирования. Между тем ни одна из двух доминирующих и взаимоисключающих друг друга концепций не отражает действительного положения вещей: истина лежит между этими крайностями⁹.

В первую очередь, высокая оценка Вестфальского мирного договора и его значения для развития международных отношений и международного права была дана задолго до Л. Гросса, который вовсе не был основоположником «Вестфальского мифа». В частности, российский юрист-международник, признанный учёный мирового уровня Ф.Ф. Мартенс в двухтомном труде «Современное международное право цивилизованных народов» (опубликованного ещё в 1882 году) рассматривал Вестфальский мирный конгресс 1648 г. в качестве одной из фундаментальных вех становления и развития международного права [Мартенс 2008: 24]. Мало того, «Вестфальский трактат, — писал он, — определил начала, на основании которых должна была устроиться новая международная жизнь», то есть те самые начала, которые, по его мнению, были положены «в основание нового порядка международных отношений» [Мартенс 2008: 56].

⁶ Вестфальские договоры формально признали право католиков жить и исповедовать свою религию в протестантских землях и наоборот (см. п. 28 ст. 5 Оснабрюкского договора), в них была закреплена свобода перехода из одной религии в другую для имперских сословий и гарантировалась свобода вероисповедания для ряда религиозных меньшинств (см. ст. V, § 1 и ст. VII, § 1 Оснабрюкского договора). Такой подход не мог быть одобрен Папой, и в дальнейшем его отношение проявилось в несколько запоздалом принятии особой буллы, в которой Вестфальские соглашения объявлялись «в прошлом, настоящем и будущем навечно ничтожными, возмутительными, недействительными, несправедливыми, незаконными, подлежащими осуждению и порицанию, вредоносными, лишёнными всякой силы и значения» (цит. по: [Алексеев 1961: 211–212]).

⁷ Договор в основном закреплял территориальные уступки со стороны Священной Римской империи германской нации в пользу Франции и Швеции.

⁸ Они относятся к таковым всеобщую амнистию, нейтрализацию ряда территорий, реституцию собственности, отказ от долгов, восстановление торгового сообщения, разрешение вопросов наследования в некоторых княжествах и др. (см., например: [Куприянов 2019. №3: 39]).

⁹ Выражение впервые появилось в 1512 г. в стихотворной сатире немецкого писателя Томаса Мурнера под названием «Narrenbeschwörung» («Заклятие дураков»).

А вот что писал о Вестфальском мире в Курсе международного права (выдержавшем три издания ещё до Второй мировой войны) крупнейший итальянский юрист-международник Д. Анцилотти: «знаменитые Мюнстерский и Оснабрюкский международные трактаты 1648 года, известные под названием Вестфальских мирных договоров... с полным основанием рассматриваются в качестве отправной точки исторического развития современного международного права» [Анцилотти 1961: 21].

Продолжить подобное цитирование мешают только размеры нашей статьи. *Так что же увидели классики международного права в Вестфальском мирном договоре такого, чего не увидели его критики?* Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов об историческом (историко-генетическом) методе исследования, который обязателен для верной оценки Вестфальского конгресса и принятых на нём соглашений.

Он абсолютно незаменим в тех случаях, когда «при анализе трансформации институтов, явлений и процессов важно установить причинно-следственные связи в процессе исторического изменения изучаемого явления или процесса» [Теория и методология истории 2014: 388]. В этом качестве он широко применяется не только историками, но и, например, юристами, которые «используют исторический метод для исследования формирования системы права, той или иной совокупности законов и правил» [Теория и методология истории 2014: 388]. В международном праве он часто выступает в качестве одного из способов (приёмов) толкования договоров, особенно в тех случаях, когда с момента их заключения проходит значительное время, в связи с чем неизбежно возникают трудности в уяснении его действительного содержания. Для этого исследователю приходится прибегать к изучению обстановки принятия договоров и соответствующей дипломатической практики, сравнению с содержанием норм иных правовых актов этого периода [Международное право 2021: 235]. Кроме того, именно этот метод явля-

ется незаменимым при создании периодизации, «которая заключается в условном делении исторического процесса на определённые хронологические периоды» [Теория и методология истории 2014: 391]. При этом «важно учитывать, что периодизация имеет дело с исключительно сложными процессами и поэтому неизбежно огрубляет и упрощает историческую реальность» [Теория и методология истории 2014: 388].

Получается, что оценка значения Вестфальского мира как раз и связана с периодизацией процессов формирования и современной системы международных отношений, и международного права как системы, в рамках которых и та и другая в ходе становления прошли ряд этапов. Выделение этих этапов потребовало обозначения их временных границ в виде привязок к тем или иным вехам, что в силу эволюционного характера соответствующих процессов носило (и носит) достаточно условный характер. В рамках эволюции социальных общественных отношений и их регулирования, в недрах каждого предшествующего этапа развития зарождаются характеристики этапа последующего, а новый этап ещё долго носит в себе характеристики этапа предыдущего. По этой причине сам момент перехода от одного такого этапа к другому, хотя и привязывается, как правило, к какому-либо событию, принятию национального или международного акта, на самом деле остаётся датой достаточно символической.

Один из крупных исторических этапов начался на рубеже Средних веков и Нового времени, и важно понять, почему же эти процессы так долго и неизменно связывали именно с Вестфальским миром. Проблема в том, что при рассмотрении многих аргументов исследователей, говорящих о «мифологизации» Вестфальского мира, неизбежно приходишь к выводу, что практически все они позиционируют себя в качестве приверженцев исторического (историко-генетического) метода исследования (приводя даже многочисленные сведения), но на самом деле ими не являются. Для обоснования своих выводов они берут «голый»

текст договоров, вырывают его из тех условий, в которых они были приняты, да ещё и толкуют его с точки зрения современных подходов. В результате получаются «спекулятивные выводы». Такой подход приводит к сомнительным и даже ошибочным выводам и суждениям.

Приведу ряд аргументов в пользу высказанной позиции.

Во-первых, практически все «ниспровергатели значения Вестфальского мифа» игнорируют то обстоятельство, что Вестфальский мир явился результатом **первого в человеческой истории** дипломатического конгресса, имевшего общеевропейский (то есть **единый для целой части света**¹⁰) характер. Если же об этом и упоминается, то только вскользь и как о чём-то второстепенном [Фархутдинов 2019: 24]. В работе над договорами приняли участие все европейские государства и государствовподобные образования, за исключением Англии (в которой шла гражданская война), Португалии, России и Османской империи. При этом Англия в дальнейшем без возражений приняла к сведению условия Вестфальского мира, Португалия же, в силу наличия личной унии с Испанией, фактически присутствовала на конгрессе, а Россия (точнее Великий князь Московский), как союзник Швеции, даже была указана в тексте самого договора¹¹ в качестве одного из гарантов его соблюдения¹². Что же касается Османской империи, то с учётом столь представительного характера участников Вестфальских соглашений, в случае возражений против принятых в них решений она могла бы в той

или иной степени оспорить их, но от неё никаких протестов не поступило.

«В предшествующей жизни европейских народов, — писал по этому поводу тот же Ф.Ф. Мартенс, — ни в средние века, ни в древности не было ни одного прецедента, чтобы представители разных государств сообща обсуждали свои дела и устанавливали порядки, обязательные для всех народов». И далее: «Непосредственное его значение состояло в небывалом в прежнее время факте соединения европейских государств в одно международное общество, которое настолько сознаёт солидарность своих интересов, что считает нужным не только совещаться об общих своих делах, но даже определять внутренний порядок в государствах, входящих в состав этого общества» [Мартенс 2008: 56].

Таким образом, человечество получило не очередной локальный «междусобойчик», а первый опыт формирования того, что сегодня мы называем *международным сообществом* (правда, на тот момент в рамках ещё только европейского мира).

С практикой проведения Вестфальского конгресса связаны и другие значимые изменения. Например, в самих подписанных договорах действительно нет слов о *суверенном равенстве государств*. Тем не менее протокольные порядки, предшествовавшие их подписанию, прямо свидетельствовали о становлении этого института (довольно быстрого в силу особенностей Вестфальского конгресса и условий его проведения)¹³ на основе пусть и регионального (в современном понимании)¹⁴, но

¹⁰ Можно даже сказать — для всего христианского мира.

¹¹ См. ст. XVII, § 11 Оснабрюкского мирного договора. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5673437f-62fa3eda-d2993ae9-74722d776562/https/de.wikisource.org/wiki/Westf%C3%A4lischer_Friede_%E2%80%93_Vertrag_von_Osnabr%C3%BCck (дата обращения: 25.12.2021).

¹² Тем самым Россия (по настоянию шведской королевы Кристины) вошла в число 50 европейских государств, которые прямо указаны в договорах Вестфальского мира [Rembault 1890: 104].

¹³ Мало того, тем самым был создан прецедент формирования международных обычаев в значительно более сжатые сроки, чем они существовали до этого.

¹⁴ Необходимо помнить, что этот период истории характеризовался агрессивной экспансией европейской цивилизации в другие регионы земного шара, основанной на убеждённости в существовании европоцентристской модели мира, и что это в дальнейшем с неизбежностью привело к распространению теории и практики европейского регулирования международных отношений в глобальном измерении. В результате правила Вестфальского мира постепенно распространились по всему миру.

международно-правового обычая, который является одним из источников международного права.

В частности, по общей договорённости всех монархов (независимо от их фактического неравенства) именовали «величествами», всех послов — «превосходительствами»¹⁵. Стремление к равенству «зашло так далеко, что делегации, добиваясь абсолютного равенства, придумали входить на место переговоров каждая через отдельную дверь (что потребовало прорубания дверей по числу участников) и идти к своим местам одинаковым шагом, чтобы ничья гордость не пострадала — ведь иначе тому, кто идёт быстрее, пришлось бы ждать другого, который перемещается неспешнее» [Киссинджер 2014: 24.].

При этом понятие суверенного равенства государств вовсе не является синонимом их фактического равенства, которое не может быть установлено, как и фактическое равноправие между людьми (в отличие от юридического равенства перед законом). Фактического равенства государств не существовало ни до Вестфальского мира, ни после. Его не существует и сегодня: государства неравны ни по своему политическому (достаточно посмотреть на полномочия постоянных членов Совета Безопасности ООН), ни по экономическому, ни по военному статусу. В то же время существовавшая (и существующая) иерархия государств вовсе не мешает им быть независимыми в своих решениях как во внутренней, так и во внешней политике.

Вестфальский конгресс также в значительной степени повлиял на формирование дипломатического права и практики размещения постоянных посольств в столицах других государств [Patton 2019]. В частности, опыт его проведения и примеры решений по многим вопросам процедуры были в дальнейшем положены в ос-

нову конгрессов, собираемых во исполнение Венского мирного договора 1815 года, а затем (когда периодически собираемые конгрессы уже не отвечали требованиям организации международной жизни) — образования такой международной организации, как Лига Наций. Важно, что в самом Вестфальском договоре была сделана попытка установления трёхлетнего периода для мирного разрешения возникающих международных споров (что так и не было реализовано на практике)¹⁶.

Во-вторых, критики значимости Вестфальского мира не учитывают тот факт, что он впервые закрепил **нормы общего международного права** в форме договорных норм. Дискуссии о Вестфальском мире касаются не только этапов становления и развития системы международных отношений, но и вопроса о науке и практике международного права. Возможно, Л. Гроссу действительно не хватило знаний по истории международных отношений. Вместе с тем исследователям, утверждавшим, что роль Вестфальского мира преувеличена, не хватило познаний в области истории международного права (то есть истории той самой правовой системы, которая была специально создана для регулирования международных отношений).

Для начала обращу внимание на то, как оценивают юридическую природу Вестфальских соглашений критики фундаментальной роли Вестфальского мира: они полагают, что поскольку Оснабрюкский договор был заключён, с одной стороны, Швецией и её союзниками, с другой стороны, Священной Римской империей германской нации и её союзниками, а Мюнстерский договор, с одной стороны, Францией и её союзниками, а с другой — с той же империей и её союзниками, то «эти соглашения были двусторонними по своему характеру, что отражает практику того

¹⁵ Следует согласиться с тем, что сам процесс формального уравнивания статуса европейских монархов начался ещё до Тридцатилетней войны (см.: [Куприянов 2019. №4: 17]). Тем не менее в этом вопросе важен и переломный момент.

¹⁶ См. ст. СXXIV Мюнстерского соглашения, заключённого 24 октября 1648 года. URL: https://translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.347f7a90-62fa33b6-344778ac-74722d776562/https/ava-lon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp (дата обращения: 25.12.2021).

времени, которое ещё не перешло к заключению многосторонних договоров» [Фархутдинов 2019. № 6: 23].

Подобные выводы являются крайне уязвимыми в силу своей некорректности. Получается, что Вестфальский мир подписан не полусотней государств и государствовподобных образований, а только тремя государствами. Следуя этой логике, даже Устав ООН (разработанный победителями во Второй мировой войне и долгое время не включавший в качестве участников этого договора их главных противников) должен рассматриваться не как многосторонний договор, а как односторонняя декларация, скажем, СССР и его союзников. Очевидная ошибочность подобного умозаключения указывает, что точка зрения оппонентов «Вестфальского мифа» в данном случае не выдерживает критики.

Вестфальский мир — это *первый в истории общеевропейский договор*. Этот факт имеет существенное значение для международного права (и как следствие — для регулирования международных отношений).

К 1648 г. уже все многочисленные условия, которые содействуют возникновению международного права, причём не в виде отдельных локальных и хаотично закреплённых международно-правовых норм¹⁷, а в виде правовой системы, уже существовали [Камаровский 1892: 10, 17; Оппенгейм 1948: 85–86; Таубе 1894: 8–9]. В то же время для возникновения международного права в этом его новом качестве требовались *нормы общего международного права* (то есть нормы, обязательные для всех государств), без которых создание международной правовой системы просто невозможно, поскольку именно эти нормы служат её основой. Не случайно такие нормы международного права (а не все международно-правовые нормы) многими отцами-основателями науки международного права как раз и рассматривались в качестве «права народов». Вот что по этому поводу, например, писал общепризнанный основатель

науки международного права Гуго Гроций: «Известные права могут возникать в силу взаимного соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности всех таких сообществ. Это и есть право, которое называется правом народов, поскольку это название мы отличаем от естественного права» [Гроций 1994: 44].

Между тем до Вестфальского мира такие нормы общего международного права существовали исключительно в форме международно-правовых обычаев. Их наличие доказывалось только с помощью трудов средневековых учёных. Более того, постоянно сталкиваясь с устоявшейся практикой заключения исключительно локальных международных договоров, многие из них с неизбежностью стали считать, что такие нормы могут существовать единственно в виде международно-правовых обычаев. Э. Ваттель, например, по этому поводу писал следующее: «Различные обязательства, которые нации могут брать на себя, образуют новый вид права народов, которое называют конвенционным или договорным. Поскольку очевидно, что договор обязывает только договаривающиеся стороны, конвенционное право народов является не всеобщим, а особым правом» [Ваттель 1960: 33]. При этом он уточнял, что обычное право народов «обязывает только именно те нации, которые его приняли, и не является всеобщим или является всеобщим не в большей мере, чем конвенционное право» [Ваттель 1960: 33].

В то же время Г. Гроций считал, что христианские государства должны строить свои отношения на основе международных трактатов (то есть договоров) и обычаев, образующих право, но никогда не противопоставлял их как источники международно-правовых норм. Он только отмечал, что «почти не встречается право, которое было

¹⁷ Локальные международные договоры к тому времени уже имели многовековую практику своего заключения.

бы общее всем народам. Ибо ведь зачастую в одной части земного шара действует такое право народов, которое не имеет силы в остальной» [Гроций 1994: 74]. Уже в XIX веке И.К. Блунчли указывал, что «иногда в договорах между отдельными государствами встречаются условия, которые по своему содержанию могут быть названы не статьями трактата, а международными законами, не простым соглашением отдельных государств, а основными положениями справедливого порядка международных отношений» [Блунчли 1867: 8].

Тем не менее подход, отрицающий возможность закрепления норм общего международного права в договорах, оставался популярным и в первой половине XX века. В частности, по мнению Д. Анцилотти, «...наиболее общие принципы правопорядка вытекают именно из обычаев, тогда как международные договоры касаются определённых предметов...» [Анцилотти 1961: 84–85] и «общее международное право есть исключительно обычное право» [Анцилотти 1961: 97]. Основатель одной из теорий происхождения права Г. Кельзен по этому поводу высказывался следующим образом: «Общее международное право является фактически обычным правом. Поскольку договоры в принципе обязательны только для договаривающихся сторон и поскольку до настоящего времени не существует международного договора, который был бы заключён всеми государ-

ствами или к которому присоединились бы все государства мира, существует только обычное, а не договорное общее международное право» [Kelsen 1967: 288].

Рассмотрение в качестве источника общих международно-правовых норм исключительно международно-правового обычая, характерное для эпохи начала формирования международного права как правовой системы (и даже позднее) было обусловлено тем, что в условиях господства практики заключения только локальных международных договоров международные соглашения с участием большого количества государств, закрепляющие нормы общего (регионального или мирового) международного права, то есть устанавливающие общепризнанные правила регулирования международных отношений, вплоть до окончания Второй мировой войны были крайне редкими¹⁸. Тем не менее они были¹⁹. К ним, в частности, можно смело отнести Заключительный акт Венского конгресса 1815 года²⁰, Версальский мирный договор 1919 года²¹ и соглашения, заключённые на Вашингтонской конференции 1921–1922 годов²², закреплявшие итоги Первой мировой войны, Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана—Келлога) 1928 года²³, а также Устав Организации Объединённых Наций²⁴. Первым же в мире таким договором стали именно Вестфальский мирный договор 1648 года.

¹⁸ Но количественно соотношение между нормами, закреплёнными в таких договорах, и нормами, закреплёнными исключительно в обычаях, на разных этапах развития международных отношений (и международного права) существенно различалось.

¹⁹ По этой причине подход, отрицающий возможность закрепления норм общего международного права в международном договоре, давно следует признать устаревшим.

²⁰ Заключительный акт Венского конгресса 1815 г. // Ф.Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. 3. С. 220–330.

²¹ Версальский мирный договор: Полный пер. с фр. подлинника / Под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Литиздат НКВД, 1925. С. 1–174.

²² Вашингтонская конференция (1921–1922): Полный пер. актов и документов. М.: Литиздат НКВД, 1924. – 139 с.

²³ Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. Вып. V. М.: НКВД, 1930. С. 8–10. К концу 1928 г. к Договору присоединились 63 государства, то есть почти все, что существовали в то время.

²⁴ Устав Организации Объединённых Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

Что же касается отсутствия в международной практике международных договоров, которые были бы заключены «всеми государствами или к которому присоединились бы все государства мира», то ведь и международных обычаев с такими характеристиками тоже не существует.

Удивительно, но даже до настоящего времени в доктрине ведутся споры о том, в каких же источниках международного права могут содержаться нормы общего международного права. Одни авторы по-прежнему полагают, что *единственным таким источником является международно-правовой обычай* [Ильинская 2012: 114; Thierry 1990: 59; Thirlway 1972: 97]. Например, О'Коннелл прямо утверждает, что «международное право традиционно является обычным правом» [O'Connell 1965: 4] и что «совершенно неправильно говорить о договорах как об источниках международного права... они не больше, чем контракты между сторонами» [O'Connell 1965: 22].

Другая группа авторов считает, что источником таких норм может быть *исключительно международный договор* [Schwarzenberger 1957: 427]. При этом они ссылаются на то, что «после Второй мировой войны международный обычай всё более утрачивает свою почву» [Cassese 1986: 181], что в результате кодификации международного права и стремительного увеличения количества универсальных международных договоров произошло резкое сокращение места и роли обычных международно-правовых норм в регулировании международных межгосударственных отношений вообще и случаев закрепления норм общего международного права в подобных источниках в частности. Отсюда делается вывод о том, что тезис о закреплении норм общего международного права исключительно в международно-правовых обычаях перестал находить практическое подтверждение [Синякин, Скуратова 2018: 531]. Сторонники этого подхода (совершенно корректно) отмечают, что в значительной степени сложившаяся ситуация связана с тем, что «традиционный процесс выработки обычно-правовых норм в силу его

медлительности оказывается в недостаточной степени совместимым с потребностями быстрорастущей взаимозависимости участников международных отношений» [Ильинская 2012: 114].

Ещё Г. Гроций отмечал, что, как правило, срок образования обычая «очевидно, не равняется в точности столетию, хотя они зачастую недалеко отклоняются от этого» [Гроций 1994: 233]. В наше динамичное время такие сроки создания международно-правовых общих правил поведения государств (и других субъектов международного права) никак не соответствуют мировым потребностям. Кроме того, нельзя не согласиться с тем, что договорный способ создания норм общего международного права обладает преимуществами по сравнению с их созданием в виде правового обычая: он обеспечивает большую определённую норм, даёт возможность государствам в процессе создания норм международного права совместно обсуждать затрагиваемые проблемы, сознательно, постепенно согласовывать позиции и находить баланс интересов [Тункин 1989: 198].

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с авторами из этой группы в том, что современное «международное обычное право находится в состоянии кризиса» [Condorelli 1991: 183], что сегодня «не лишены основания предвидения некоторых учёных об отмирании международного обычая» [Курс международного права 1967: 186]. Международный обычай вовсе не утратил актуальности в качестве одного из основных источников международного права как такового и как источника его общих международно-правовых норм, хотя в этой части в последние десятилетия он действительно во многом был потеснён международным договором.

Наконец, третья группа авторов, как нам представляется, наиболее верно оценивает ситуацию и относит к источникам норм общего международного права как международный договор, так и международно-правовой обычай (исключая или не исключая при этом ещё и общие принципы права [Kolb 1998: 72–73]). Критикуя

позицию авторов первой группы, они справедливо указывают на то, что концепция, согласно которой международные договоры не могут вносить изменения в общее международное право, полностью оторвана от действительности. Ведь, по существу, из этой концепции следует, что Устав ООН, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. и другие международные договоры, содержащие общие нормы международного права, — это всего лишь *de lege ferenda* (т. е. только нормативные предположения о формулировках и содержании будущих таких норм). Для того чтобы эти предположения стали нормами общего международного права, они, оказывается (по этой концепции), должны превратиться из договорных норм в нормы обычного права, т. е. получить доказательства всеобщей практики своего применения и признание в качестве правовой нормы [см.: Тункин 1989: 204].

В то же время эти авторы не отрицают, что и в настоящее время международные обычаи могут быть источниками международно-правовых норм общего международного права. Некоторые из них (не без оснований) даже полагают, что в ходе договорной кодификации международного права образуется новый тип международно-правовых норм [Колосов 2006: 19], когда для государств—участников таких договоров «его нормы обязательны, поскольку они являются участниками договора, а для государств, не участвующих в нём, но признающих его нормы обычным путём, они обязательны в соответствии с нормами об образовании обычных норм международного права. Такого рода нормы можно назвать смешанными, договорно-обычными нормами» [Тункин 1989: 204]. При этом, как оказалось, такой тандем источников общего международного права стал фор-

мироваться вовсе не во второй половине XX века.

Дело *не в источнике* общей международно-правовой нормы, а *в её обязательности для всех государств*. Следовательно, при разрешении вопроса о том, являются ли нормы соглашений Вестфальского мира нормами общего международного права, важно не столько то, в каком (по типу) источнике международного права они закреплены, сколько то, относятся или не относятся данные международно-правовые нормы к правилам поведения, согласованным сообществом государств в качестве обязательных для всех субъектов международного права, вступающих в соответствующие международные отношения.

Приведу определение норм *jus cogens* общего международного права, содержащееся в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»²⁵. Выделю здесь два очень важных для моего исследования обстоятельства: 1) эти нормы принимаются и признаются *международным сообществом государств в целом*; 2) в определении *ничего не говорится о тех источниках*, в которых эта воля международного сообщества должна быть выражена.

В договорах Вестфальского мира как раз и нашло первое письменное закрепление договорных²⁶ *общих для всех государств Европы* международно-правовых норм

²⁵ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР от 10 сентября 1986 г. № 37. Ст. 772.

²⁶ Поскольку в Вестфальском мирном договоре нашла своё первое воплощение сама возможность формирования норм общего международного права с помощью такого источника, как международный договор, то в этом смысле он действительно дал миру новый вид международных договоров.

(то есть правил поведения в международных отношениях). Эти нормы были приняты и признаны всеми европейскими государствами, т. е. всем европейским сообществом государств. Они обязывали все государства, входящие в это сообщество, исполнять принятые решения и соблюдать установленные правила поведения, даже если напрямую в договоре они их не касались.

Именно первое договорное создание Вестфальским миром общих норм международного права позволяет рассматривать его в качестве определяющего в деле формирования *международного права как правовой системы*²⁷. При этом следует согласиться с критиками значения Вестфальского мира в том, что непосредственно в его договорах обо всём этом действительно ничего не говорилось.

Здесь нельзя обойти стороной ещё одно обстоятельство. И.З. Фархутдинов полагает, что не Вестфальский мир 1648 года, а Утрехтский мирный договор 1713 г. заслуживает большего признания в части значения для истории международных отношений и истории международного права [Фархутдинов 2019]. Позволю себе в этом с ним также не согласиться.

В истории эволюции систем международных отношений и международного права можно выделить несколько этапов их становления и развития. Переход от одного такого этапа к другому, так же как и развитие цивилизации, происходил толчками и был тесно связан с эволюцией общественных отношений, изменением уровня потребности общества в их урегулировании, а также с трансформацией общественного сознания и правосознания. При этом представления о новых подходах к регулированию международных отношений не снижались на людей откуда-то с заоблачных высот, они зарождались в недрах предшествующего периода и, достигнув «критиче-

ской массы», создавали прорыв в виде соответствующих перемен в общественном сознании (и правосознании), изменении представлений о субъектах международного права, о принципах, формах и способах регулирования международных межгосударственных отношений. Эти процессы носили эволюционный характер, то есть происходили достаточно медленно, а по этой причине действительно иногда возникала (и возникает) проблема привязки начала очередного такого этапа к конкретному международному договору соответствующего периода истории²⁸.

Вместе с тем сравнивать Вестфальский мир с Утрехтским мирным договором, который состоял как раз из не составлявших единого договора двусторонних соглашений между всего шестью государствами (Францией и Испанией, с одной стороны, и Великобританией, Голландией, Бранденбургом и Савойей — с другой), по меньшей мере представляется некорректным.

И ещё одно: Вестфальский мир содержит ряд положений, которым исследователи, стремящиеся показать его «мифологизацию», часто не придают то значение, которое они в действительности имеют. Приведу несколько примеров. Мы уже ранее упоминали о том, что Франция и Швеция (с некоторыми своими союзниками) были объявлены гарантами его выполнения. Иными словами, опять же впервые в европейской истории в общеевропейском международном договоре трём наиболее авторитетным в военном, экономическом и политическом смысле государствам были предоставлены *особые полномочия*, не предоставленные Вестфальским миром никаким другим государствам.

Что это означает? Считаю, что с объявлением международным актом подобного уровня группы государств гарантами договоров было положено начало формирова-

²⁷ Хотя, повторимся, речь шла о региональном международном праве, но именно Вестфальский мир продемонстрировал реальные перспективы возникновения в дальнейшем и общего международного права для всей планеты, без которого было бы невозможно создание международного права как всемирной правовой системы.

²⁸ В этом смысле абсолютное большинство веков в истории — сплошная «мифология».

нию понятия «великая держава». Кроме того, тем самым было юридически закреплено (и обосновано) сосуществование нескольких «центров силы», а не доминирования одной страны. Наконец, здесь имело место фактическое создание *первой системы европейского равновесия*²⁹. Хотя вновь следует признать, что ни о каком европейском равновесии в самом договоре действительно ничего не говорилось³⁰.

Опыт борьбы с могущественной династией Габсбургов подсказывал переговорщикам, что если в будущем возникла бы угроза повторения ситуации, когда одна политическая сила оказалась настолько сильной, что могла бы претендовать на подчинение себе всей Европы, то следовало прибегать к дипломатическим демаршам. В случае их недостаточности не стоило дожидаться, пока такое государство ещё более усилится, а надо было создавать для противодействия его возвышению либо условия, препятствующие этому³¹, либо не менее сильные коалиции европейских государств, которые смогли бы вернуть противника на его прежние позиции.

Центрами таких коалиций и должны были стать гаранты соблюдения Вестфальского мира. Впоследствии эта система действовала, хотя и не всегда успешно. Например, в рамках борьбы за Балтику зимой 1657/58 г. шведы смогли по льду вторгнуться на остров Зеландия, принадлежавший Дании и на котором была расположена её столица — Копенгаген. По условиям заключённого мира Дания передала Швеции остров Борнхольм и норвежскую область Тронхейм, но шведский король Карл X Густав вскоре решил расши-

рить свои завоевания и снова напал на Данию. Увидев, что Швеция значительно усилилась, Англия и Франция фактически поставили ей ультиматум, и по Копенгагенскому миру 1660 г. шведам пришлось вернуть Данию и Борнхольм, и Тронхейм [Ревякин, Васильева 2018: 83–84]. Другой пример: при Людовике XIV рост влияния Франции вынудил другие государства объединиться, чтобы противостоять ей. На этот раз ситуация дошла и до военного столкновения, по результатам которого Франции пришлось остановить экспансию [Ревякин, Васильева 2018: 93–94].

Между тем критики значимости Вестфальского мирного договора берут только его «голый» текст. По этой причине они и приходят к выводу о том, что он «не подразумевал создания баланса сил» [Куприянов 2019. №4: 50]. В этом вопросе следует согласиться с Л. Оппенгеймом, который прямо отмечал, что именно «со времени Вестфальского мира 1648 г. принцип равновесия держав в истории Европы играл преобладающую роль. Он нашёл прямое признание в 1713 г. в Утрехтском мирном договоре и был путеводной звездой на Венском конгрессе 1815 года, когда была перекроена карта Европы, на Парижском конгрессе 1856 года, на Лондонской конференции 1867 года, на Берлинском конгрессе 1878 г. и при окончании Балканской войны в 1913 году» [Оппенгейм 1948: 283]. Опять же он соблюдался «со времён Вестфальского мира».

Другой пример спорной интерпретации текста Вестфальского договора связан с закреплением в нём независимости Республики Соединённых провинций (Нидерландов)³² и Швейцарской конфедерации³³.

²⁹ Теория баланса сил в международных отношениях предполагает, что государства могут обеспечить своё существование, не позволяя какому-то государству (небольшой группе государств) получить достаточное военное могущество, чтобы доминировать над всеми остальными.

³⁰ Только через 65 лет, в статье 2 англо-испанского мирного договора, подписанного в рамках Утрехтского мира 1713 года, было закреплено, что его целью, в частности, является «установление мира и спокойствия в христианском мире с помощью равного баланса сил».

³¹ В частности, Ф. Ф. Мартенс писал, что «признание политической автономии множества немецких владений надолго обеспечивало бессилие, государственное и международное, Германской империи» [Мартенс 2008: 56].

³² Если быть точным, то фактически независимость Нидерландов была признана Испанией ещё по Мюнстерскому миру, заключённому в январе 1648 года, но в статье LIII Мюнстерского договора, являющегося частью Вестфальского мира, она была подтверждена.

Здесь я абстрагируюсь от того, что одни скептики в части оценок Вестфальского мира считают это признание ничего не значащим событием, поскольку указанные государства и без того уже были к тому времени длительное время фактически независимыми (и даже частично признанными в основном своими союзниками), в то время как другие полагают, что эти республики после заключения Вестфальского договора вообще никакой независимости не получили (см. подробнее: [Куприянов 2019. № 4: 20]), а третьи – утверждают, что Республика Соединённых провинций сразу интерпретировала формулировку Вестфальского договора как свою независимость, а вот Швейцария, используя некоторые особенности касающихся её формулировок этого договора, ещё несколько десятков лет в зависимости от ситуации то заявляла о своём суверенитете, то говорила, что речь идёт только о том, что на её территории не действуют имперские законы (см. подробнее: [Фолькер 2013: 34]). Несмотря на такие расхождения, все критики «Вестфальского мифа» согласны в том, что для развития международного права и международных отношений эти события никакого значения не имели.

Этот вывод представляется мне не вполне корректным. Вопрос даже не в том, что независимость фактическая (или признанная только союзниками) и независимость, признанная юридически в столь значимом общеевропейском международном договоре, – вещи разные³⁴, и даже не в том, как воспринимали это признание сами республики, а в том, что означало это признание в те времена для остальных европейских участников международных отношений. Полагаю, что существенными здесь являются даже не один, а два аспекта.

Во-первых, признание со стороны европейских монархий в качестве самостоятельных и независимых субъектов международ-

ных межгосударственных отношений двух республик, возникших не в порядке разрешения династических проблем или «дара сверху», а в результате восстаний и длительной борьбы за свою независимость, создало прецедент реализации народами права на самоопределение, а следовательно, и его фактическое признание [Ревякин, Васильева 2018: 79]. Хотя в договоре о таком праве народов ничего не сказано, тут дело не в формулировках, а в факте. Оценивать значение тех или иных фактов истории следует не так, как их оценивали современники, а так, как их оценивают ближние и дальние их потомки.

Во-вторых, на момент признания независимости Республики Соединённых провинций и Швейцарии другие республики в Европе уже существовали (но только в виде нескольких городов в Италии), но обладали они (даже включая Венецию) более низким статусом, чем монархические государства. Достаточно сказать, что в иерархии и правовом положении они уступали любой, «даже самой слабой и захудалой монархии» [Ревякин, Васильева 2018: 79]. Одна из причин подобного отношения к республикам заключалась в общепринятых в то время представлениях, что субъектами международных отношений были не государства, а главы государств, то есть монархи (короли, герцоги и др.). Признание в общеевропейском договоре двух республик равноправными участниками международных отношений не только фактически уравнивало их с наследственными монархиями, но и ознаменовало начало коренных изменений в представлениях о субъектах международных отношений (а в дальнейшем и о субъектах международного права) в силу осознания самой возможности признания в качестве таковых не монархов (физических лиц, «владеющих» государствами), а *самих государств* (юридических лиц).

³³ Об этом говорят ст. 6 Оснабрюкского договора и параграф LXI Мюнстерского договора Вестфальского мира.

³⁴ На это указывает и современная практика попыток реализовать свою международную правосубъектность со стороны непризнанных и частично признанных государств.

Нельзя оставить без внимания и некоторые аспекты вопроса о *суверенитете*. Для начала следует согласиться с критиками значения Вестфальского мира в том, что термин «суверенитет» в его договорах действительно не встречается³⁵. Тем не менее отсутствие в них слов «суверенитет» или «суверенный» не свидетельствует о том, что эти понятия не были известны их авторам и что о соответствующих явлениях в самих договорах ничего не говорится.

Для уточнения этого вопроса необходимо концептуализировать понятие «государственный суверенитет». Начну с того, что это — неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность. В общей теории права за его классическое определение взята следующая позиция: государственный суверенитет представляет собой независимость государственной власти от какой-либо иной власти как внутри, так и вне границ страны [Алексеев 1985: 41; Козлова, Кутафин 1995: 120]. В международном праве эти принципиальные подходы к определению понятия суверенитета полностью сохранились (см., например: [Оппенгейм 1948: 260]). Иногда к этим двум составляющим добавляют ещё одну качественную характеристику — верховенство государственной власти, но чаще всего термин «верховенство» только заменяет термин «независимость» применительно к внутригосударственным отношениям. Например, Г.И. Тункин отмечал, что «государственный суверенитет — это присутствующее государству верховенство на своей территории, независимость — в международных отношениях» [Тункин 1956: 15]. Полагаю, что для рассматриваемого вопроса разница в этих подходах является не принципиальной. Главное здесь заключается в том, что определяющим признаком суверенитета является не власть и не пре-

делы её распространения, а независимость государственной власти. По этой причине утверждать о том, что в Вестфальском мирном договоре ничего не говорилось о суверенитете, а говорилось только о независимости и самостоятельности тех или иных политико-территориальных образований, есть то же самое, что отрицать существование явления только на том основании, что, несмотря на присутствие всех его признаков, оно не получило своего отражения в виде индивидуального наименования.

Другое дело, что содержание понятия суверенитета на протяжении веков существенно изменялось³⁶. Представления о нём в XVII веке отличались от представлений XIX века, а те, в свою очередь, — от представлений современных [Barkin, Cronin 1994; Bartelson 1995; Weber 1995; Krasner 1999], поскольку (здесь следует согласиться с В.Д. Зорькиным) «суверенитет не помещён в “политический холодильник”». Он эволюционирует вместе с развитием государства и общества³⁷. Абсолютной независимости государств (как и абсолютной свободы человека в обществе) не существует. Например, вступая в международные организации или принимая на себя обязательства по международному договору, они ограничивают свою свободу в ведении международных дел.

Эти ограничения могут на разных этапах истории рассматриваться с точки зрения наличия или отсутствия суверенитета совершенно по-разному. Например, карликовые государства Европы на протяжении почти всего XX века, в силу наличия у них (по международным договорам) «особых отношений» со своими соседями, рассматривались не иначе как находящиеся в одной из форм зависимости — протекторате [Оппенгейм 1948: 328]. В связи с этим у них возникали проблемы с принятием в члены международных межправитель-

³⁵ Прежде всего потому, что латыни, на которой были составлены их тексты, он просто не был известен.

³⁶ По этой причине современные концепции суверенитета в политологии и особенно в науке международного права не всегда применимы к явлениям далёкого прошлого.

³⁷ Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2004. 13 июля. № 3525.

ственных организаций и участием в межгосударственных отношениях. Тем не менее в 1964 г. Мальта была принята в ООН, а затем членами ООН в начале 1990-х годов стали и остальные европейские карликовые государства. Между тем членами этой организации могут стать только суверенные государства. Вместе с принятием в ООН карликовых государств содержание понятия суверенитета претерпевает изменения: теперь считается, что если одно государство передаёт по заключённому договору, который по каким-либо причинам изначально не является ничтожным, другому государству свои суверенные права (вплоть до тех или иных собственных функций), то это — суверенное право государства, и такие «самоограничения» не создают угроз его суверенитету. Принятие этой концепции суверенитета не позволяет говорить о протекторате в отношении этих государств (при фактическом сохранении их прежних международных договорённостей).

Глубоко ошибочным является и распространённое среди сторонников «деканонизации» Вестфальского мира мнение о том, что само понятие суверенитета было сформулировано только в XVIII веке Эмером де Ваттелем в книге, изданной в 1758 году [Ваттель 1960], и по этой причине было неизвестно авторам Вестфальских договоров. Основоположителем концепции государственного суверенитета был вовсе не Э. Ваттель, а французский политик и учёный XVI века Жан Боден (1530–1596), который этому вопросу уделил много внимания в своей работе «Шесть книг о государстве», вышедшей в свет в 1576 году. Он, в частности, писал: «Суверенитет — это абсолютная и постоянная власть государства (*“La souverainete est la puissance absolue et perpetuelle d’une Republique...”*), а «первый

признак суверенитета является» создание законов, «не подвергаясь команды или попечительства» со стороны кого бы то ни было [Bodin 1986]³⁸.

Мало того, в 1625 г. был опубликован труд Г. Гроция «О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права» [Гроций 1994]. Хотя он и не использует термин «суверенитет», но много рассуждает о верховной власти, то есть власти, осуществляемой сувереном³⁹. Г. Гроций, например, пишет: «Верховной же властью называется такая власть, действия которой не подчинены иной власти и не могут быть отменены чужой властью по её усмотрению... Такова сущность верховной власти; а теперь следует выяснять, кто же является её носителем. Носитель может быть или в общем, или же в собственном смысле; подобно тому, как общий носитель зрения есть тело, собственный же — есть глаз, так общим носителем верховной власти является государство, названное выше “совершенным союзом”» [Гроций 1994: 127].

К этому следует добавить, что в ранее уже упоминавшемся Мюнстерском договоре, заключённом в январе 1648 года (то есть до Вестфальского мира) между Испанией и Республикой Соединённых провинций, неоднократно использовался термин «sovereign»⁴⁰. Так что участникам Вестфальского конгресса понятие «суверенитет» просто не могло быть неизвестно.

Уже после заключения Вестфальского мира, но ещё до Э. Ваттеля вопросы суверенитета исследовали английский философ Томас Гоббс (1588–1679), немецкий юрист-международник Самуэль фон Пуфендорф (1632–1694), английский мыслитель Джон Локк (1632–1704) и многие другие, кто своими научными трудами существенно изме-

³⁸ Ж. Боден упоминает и о суверенном равенстве: «маленький король столь же суверенен, как и величайший монарх на земле».

³⁹ Правда, такая верховная власть им понималась, прежде всего, как недопущение распространения на неё внешнего влияния.

⁴⁰ См. ст. 1, 3, 49 Мюнстерского мирного договора между Республикой Соединённых провинций Нидерландов и Королевством Испания 1648 года. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5f661da2-62fa3c32-63e6cb0d-74722d776562/https/nl.wikisource.org/wiki/Vrede_van_M%C3%BCnster (дата обращения: 25.12.2021).

нил общественное правосознание по отношению к государственному и национальному суверенитету и в значительной степени повлиял на формирование содержания этих понятий. Да и после Э. Ваттеля работ о суверенитете было немало.

Если вернуться к Э. Ваттелю, то он дал следующее определение понятия «суверенитет»: «Ей [нации. — *Б. Н.*] необходимо установить публичную власть, чтобы распоряжаться и указывать, что каждый должен делать для осуществления целей общества. Эта политическая власть общества есть суверенитет, и тот, кто обладает ею, является сувереном» [Ваттель 1960: 39]. И далее: «Всякая нация, которая сама управляет собою, в какой бы форме это ни осуществлялось, без какой-либо иностранной зависимости, представляет собой суверенное государство» [Ваттель 1960: 40]. При этом он считал, что «нации, или суверенные государства, должны рассматриваться как свободные личности, которые живут в естественном состоянии» [Ваттель 1960: 26]. И далее: «Для того чтобы нация имела право непосредственно состоять в этом великом обществе, достаточно, чтобы она была действительно суверенной и независимой, то есть чтобы она сама управляла собою посредством собственной власти и своих законов» [Ваттель 1960: 40–41]. В то же время, по мнению Э. Ваттеля, «дань, выплачиваемая какой-либо иностранной державе, хотя и задевает несколько достоинство этих государств, являясь признанием их слабости, но оставляет полностью нетронутым их суверенитет» [Ваттель 1960: 41]. Получается, представление о том, что Э. Ваттель дал определение понятия суверенитета, близкое по содержанию современному, вытекает только из толкования того, что он написал, а не непосредственно из текста его работы⁴¹.

* * *

Низведение Вестфальского мира до уровня малозначительного локального международного договора не соответствует его фактическому статусу среди событий прошлого человечества. Он выступает не только в качестве документа, завершившего Тридцатилетнюю войну, но и в качестве значительной ступени как формирования современной системы международных отношений, так и создания (классического) международного права как соответствующей системы.

Непосредственно в тексте Вестфальского мирного договора действительно не нашли своего закрепления такие принципы регулирования международных отношений и международного права, как суверенное равенство государств, закрепление именно за ними, а не за монархами международной правосубъектности, в договоре не было сформулировано понятие суверенитета государства. Характеризуя его, исследователи слишком часто вынуждены говорить о том, что он «был истоком», «положил основу», «создал базу для становления», «ознаменовал начало коренных изменений». Тем не менее это не умаляет его достоинств. Отметим главные из них.

Именно Вестфальский конгресс стал первым в мировой истории общеевропейским конгрессом. Его представительный характер, длительность проведения, содержание подписанных в ходе него договоров и обязательность их положений для всех участников, а также протокольные правила позволяют говорить об осознании государствами Европы себя как единого (общеевропейского) международного сообщества. Кроме того, в ходе работы Вестфальского конгресса в относительно короткие сроки были созданы не только договорные, но и общие международно-правовые обычные нормы, имевшие принципиальное значе-

⁴¹ Когда читаешь то, что написано о трудах Э. Ваттеля в специальной литературе по политологии, истории международных отношений, да и международному праву, а потом читаешь работы самого Э. Ваттеля, то постоянно возникает ощущение, что все выводы о том, что именно он написал, покоятся исключительно на толковании его трудов и на толковании их толкований. Невольно возникает мысль, что скоро кто-нибудь обязательно займётся (по примеру Вестфальского мира) развенчанием «мифологизации» этого автора. Впрочем, это справедливо не только по отношению к Э. Ваттелю.

ние для формирования новой системы международных отношений.

Несмотря на то что большая часть положений Вестфальского мира 1648 г. действительно носит прикладной характер, он представляет собой образец первого в мировой истории общеевропейского международного договора, в котором был сфор-

мулирован ряд норм, обязательных для всех государств Европы. В результате был совершён прорыв в вопросе создания договорных норм общего международного права, и потому этот мирный договор следует рассматривать как фундаментальную веху в формировании системы международного права.

Список литературы

- Алексеев В.А.* Тридцатилетняя война. Л.: Учпедгиз, 1961. 237 с.
- Алексеев С.С.* Теория государства и права. М.: Юрид. лит., 1985. 480 с.
- Анцилотти Д.* Курс международного права: Введение—общая часть. Т. 1. М.: Иностр. лит., 1961. 447 с.
- Беляев М.П.* Французская и имперская дипломатия в поисках мира: из истории Вестфальского мирного конгресса. М.: ИВИ РАН, 2000. 111 с.
- Блунчли И.К.* Основы международного права // О значении и успехах новейшего международного права. Петербург: Изд. Н.И. Ламанского, 1867. 90 с.
- Ваттель Э.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 720 с.
- Гроций Г.* О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
- Ильинская О.И.* Вопросы применения международных обычно-правовых норм // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 114–125.
- Камаровский Л.А.* Основные вопросы науки международного права. М.: Унив. Типография, 1892. 92 с.
- Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2014. 512 с.
- Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право Российской Федерации. М.: Юрист, 1996. 480 с.
- Колосов Ю.М.* Виды международно-правовых обычных норм в международном гуманитарном праве // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. 2005. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2006. С. 17–21.
- Куприянов А.В.* «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 37–50.
- Куприянов А.В.* «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 11–23.
- Курс международного права: Понятие и сущность современного международного права: В 6 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. 284 с.
- Левин Д.Б.* История международного права. М.: Изд-во ИМО, 1962. 136 с.
- Лукашук И.И.* Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк, 1997. 322 с.
- Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2008. 368 с.
- Международное право: В 2 ч. / Под ред. А.Н. Вылегжанина, Е.Т. Загайнова, А.Я. Капустина, Б.И. Нефёдова. Ч. 1. М.: Юрайт, 2021. 329 с.
- Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1. Полутом 1. Пер. с 6-го англ. изд. М.: Иностр. лит., 1948. 407 с.
- Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. 436 с.
- Прокопьев А.Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2002. 384 с.
- Ревякин А.В., Васильева Н.Ю.* История международных отношений: В 3 т. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2018. 400 с.
- Сафонов В.Е.* Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2. С. 110–117.
- Саямов Ю.Н.* Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3 (27). С. 95–105.
- Синякин И.И., Скуратова А.Ю.* Нормы jus cogens: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 526–545.

- Таубе М.* История зарождения современного международного права (средние века). Т. 1. Введение и Часть Общая. СПб.: Типо-Литография П. И. Шмидта, 1894. 370 с.
- Теория и методология истории / Под ред. В.В. Алексеева, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Л.Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014. 504 с.
- Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 416 с.
- Тункин Г.И.* Особенности создания обычных норм международного права // Баскин Ю.А., Крылов Н.Б., Левин Д.Б., Мовчан А.П., Мюллерсон Р.А., Тункин Г.И., Усенко Е.Т., Ушаков Н.А., Фельдман Д.И. Курс международного права: В 7 т. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 189–220.
- Фархутдинов И.З.* Утрехтский мирный договор: начало или конец Вестфалья? Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 23–39.
- Фархутдинов И.З.* Доктрина о вестфальской мирной системе: мифы и реалии // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 21–31.
- Фельдман Д., Барабанов О.* Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мёртв... // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3. С. 104–113.
- Фолькер Р.* История Швейцарии. М.: Весь Мир. 2013. 144 с.
- Barkin J.S., Cronin B.* The state and the nation: changing norms and the rules of sovereignty in international relations // International organization. 1994. Vol. 48. No. 1. P. 107–130.
- Bartelson J.* A genealogy of sovereignty. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 317 p.
- Bodin J.* Les six livres de la Republique, liv. I–III. Paris: Fayard, 1986. 861 p.
- Cassese A.* International Law in a Divided World. Oxford: Clarendon Press, 1986. 429 p.
- Condorelli L.* Custom // International Law: Achievements and Prospects / Ed. by Bedjaoui M. Dordrecht: Nijhoff. 1991. P. 179–212.
- Croxton C.D.* Westphalia: The Last Christian Peace. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 452 p.
- Croxton D.* The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // The International History Review. 1999. Vol. 21. No. 3. P. 569–591.
- Gross L.* The Peace of Westphalia, 1648–1948 // The American Journal of International Law. 1948. Vol. 42. No. 1. P. 20–41.
- Kelsen H.* Principles of international law / Rev. and ed. by R. Tucker. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. 602 p.
- Kolb R.* The formal source of jus cogens in public international law // Zeitschrift für öffentliches Recht. 1998. Vol. 53. P. 69–105.
- Krasner S.D.* Westphalia and All That // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / ed. by Goldstein J., Keohane R. Series: Cornell Studies in Political Economy. London: Cornell University Press, 1993. P. 235–264.
- Krasner S.D.* Sovereignty: organized hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. 248 p.
- Lesaffer R.* Peace treaties from Lodi to Westphalia // Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One / Ed. by R. Lesaffer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 9–44.
- Lesaffer R.* The non-Westphalian Peace. Oxford Public International Law (OPIL). 2014. Available at: <https://opil.ouplaw.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwest-phalian-peace> (accessed: 25.12.2021).
- Morgenthau H.J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred Knopf, 1948. 489 p.
- O'Connell D.P.* International Law. Two vol. Vol. I. London: Stevens and Sons Ltd., 1965. 651 p.
- Osiander A.* Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55. No. 2. P. 251–287.
- Patton S.* The Peace of Westphalia and its Affects on International Relations, Diplomacy and Foreign Policy // The Histories. 2019. Vol. 10. No. 1. Article 5. P. 91–99.
- Rembault A.* Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française, v. Russie, livre premier. Paris: Felix Alcan Editeur, 1890. 576 p.
- Schwarzenberger G.* International Law as Applied by International Courts and Tribunals. London: Stevens & Sons Ltd, 1968. 881 p.
- Thierry H.* L'évolution du droit international: cours général de droit international public // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 222. Boston, 1990. P. 9–186.
- Thirlway H.W.* International Customary Law and Codification. Leiden: Brill, 1972. 170 p.
- Weber C.* Simulating Sovereignty: Intervention, the State, and Symbolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, xiv, 147 p.
- Whaley J.* Germany and the Holy Roman Empire. Vol. I: Maximilian I to the Peace of Westphalia 1493–1648. New York: Oxford University Press, 2012. 637 p.

THE CRITIQUE OF THE WESTPHALIAN PEACE NARRATIVE

BORIS NEFEDOV

HSE University, Moscow, 101000, Russia

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article studies perceptions of the Peace of Westphalia that were formed in the fields of international relations history and the general theory of international law as a result of conflicting doctrines, with some claiming the Westphalian treaties of 1648 are of universal significance for these scientific fields, and others, conversely, denying that these treaties had any sort of influence on the formation of a modern system of international relations and the formation of international law as a legal system. The article concludes that the treaties of the Peace of Westphalia does not actually contain many of the provisions attributed to them. These norms often arise only from their interpretation. However, the critics of the treaties' significance for the history of international relations and their international legal regulation who focused their attention only on the verbatim text of these documents while ignoring the historical conditions surrounding their development and adoption, failed to properly assess their impact. The Westphalian Congress was the first congress in world history that was pan-European in character. Its widely representative nature, the lengthy period of time during which it was held, the content of the treaties and the universally binding nature of their provisions, as well as the protocol rules, allow us to claim that the states of this world region started to identify themselves as part of a single pan-European international community. Moreover, the Congress also saw the creation, in a relatively short time, not only of treaties, but also of customary norms of general international law that were of fundamental importance for the formation of a new system of international relations. Despite the fact that most of the provisions of the Peace Treaty of Westphalia of 1648 have an applied nature, it is by no means an insignificant medieval treaty, the only virtue of which lies in it ending the Thirty Years' War. The Peace of Westphalia is an example of the first pan-European international treaty in world history which formulated a number of binding norms for all states of this part of the world. To sum up, the Westphalian Peace Treaty was, a historic breakthrough the creation of treaty norms of general international law, and therefore the it should be deemed a historical milestone in the creation of international law as a legal system.

Keywords:

The Peace of Westphalia; the Congress of Westphalia; general international law; sources of general international law; interpretation of international treaties.

References

- (1967). *Kurs mezhdunarodnogo prava: Ponyatie i sushhnost sovremennogo mezhdunarodnogo prava*. [International Law Course: The concept and essence of modern international law]. V 6-ti tomakh. Vol. 1. Moscow: Nauka. 284 p.
- Alekseev S.S. (1985). *Teoriya gosudarstva i prava*. [Theory of State and law]. Moscow: Yurid. Lit. 480 p.
- Alekseev V. A. (1961). *Tridtsatiletnyaya vojna*. [The Thirty Years' War] Leningrad: Uchpedgiz. 237 p.
- Alekseev V.V., Kradin N.N., Korotaev A.V., Grinin L.E. (eds) (2014). *Teoriya i metodologiya istorii*. [Theory and methodology of history]. Volgograd: Uchitel. 504 p.
- Ancilotti D. (1961). *Kurs mezhdunarodnogo prava: Vvedenie – obshchaya chast'*. [Course in international law: an Introduction—General part]. Vol. 1. Moscow: Inostrannaya literatura. 447 p.
- Barkin J.S., Cronin B. (1994). The state and the nation: changing norms and the rules of sovereignty in international relations // *International organization*. Vol. 48. No. 1. P. 107–130.
- Bartelson J. (1995). *A genealogy of sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press. 317 p.

- Beljaev M.P. (2000). *Frantsuzskaja i imperskaja diplomatija v poiskah mira: iz istorii Vestfal'skogo mirnogo kongressa* [The French and Imperial Diplomacy in Search of Peace: from the History of the Westphalia Congress]. Moscow: IRI RAN. 111 p.
- Blunclii I.K. (1867). *O znachenii i uspekhax novejshego mezhdunarodnogo prava* [On the Significance and Successes of Modern International Law]. Petersburg: Izd. N.I. Lamanskogo. 90 p.
- Bodin J. (1986). *Les six livres de la Republique, liv. I–III*. [The six books of the Republic, books I–III.] Paris: Fayard. 861 p.
- Cassese A. (1986). *International Law in a Divided World*. Oxford: Clarendon Press. 429 p.
- Condorelli L. (1991). Custom. In: Bedjaoui M. (ed.) *International Law: Achievements and Prospects*. Dordrecht: Nijhoff. P. 179–212.
- Croxton C.D. (2013). *Westphalia: The Last Christian Peace*. New York: Palgrave Macmillan. 452 p.
- Croxton D. (1999). The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. *The International History Review*. Vol. 21. No. 3. P. 569–591.
- Farkhutdinov I.Z. (2019). Utrechtskij mirnyj dogovor: nachalo ili konec Vestfalya? Opyt doktrinalnogo issledovaniya problem formirovaniya sovremennoj modeli mezhdunarodnykh otnoshenij v kontekste razvitiya mezhdunarodnogo prava [The Treaty of Utrecht: the beginning or the end of Westphalia? The experience of doctrinal study of the problems of the formation of a modern model of international relations in the context of the development of international law]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*. No. 7 (134). P. 23–39.
- Farkhutdinov I.Z. (2019). Doktrina o vestfal'skoj mirnoj sisteme: mify i realii. [The doctrine of the Westphalian peace system: Myths and realities]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*. No. 6 (133). P. 21–31.
- Feldman D., Barabanov O. (2007). Esli Vestfal i bolen, to etot bolnoj skoree zhiv, chem mertv... [If Westphal is ill, then this patient is more alive than dead...]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 5. No. 3. P. 104–113.
- Folker R. (2013). *Istoriya Shvejtsarii*. [The history of Switzerland]. Moscow: Ves mir. 144 p.
- Grotsij G. (1994). *O prave vojny i mira: Tri knigi v kotorykh ob`yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publicnogo prava* [On the Law of War and Peace: Three books explaining the natural law and the law of nations, as well as the principles of public law.]. Moscow: Ladomir. 868 p.
- Gross L. (1948). The Peace of Westphalia, 1648–1948. *The American Journal of International Law*. Vol. 42. No. 1. P. 20–41.
- Ilyinskaya O.I. (2012). Voprosy primeneniya mezhdunarodnykh obychno-pravovykh norm [Issues of application of international customary law norms]. *Zhurnal rossijskogo prava*. No. 11. P. 114–125.
- Kamarovskij L.A. (1892). *Osnovnyye voprosy nauki mezhdunarodnogo prava* [The main issues of the science of international law]. Moscow: Univ. Tipografiya. 92 p.
- Kelsen H., Tucker R. (ed.) (1966). *Principles of international law*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 602 p.
- Kissindzher G. (2014). *Mirovoj poryadok*. [World order]. Moscow: AST. 512 p.
- Kolb R. (1998). The formal source of jus cogens in public international law. *Zeitschrift für öffentliches Recht*. Vol. 53. P. 69–105.
- Kolosov Yu.M. (2006). Vidy mezhdunarodno-pravovykh obychnykh norm v mezhdunarodnom gumanitarnom prave. [Types of customary international law norms in international humanitarian law] In: *Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. Specialnyj vypusk. 2005*. Saint Petersburg: Rossiya-Neva. P. 17–21.
- Kozlova E.I., Kutafin O.E. (1996). *Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federatsii* [Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist. 480 p.
- Krasner S.D. (1993). Westphalia and All That. In: Goldstein J., Keohane R. (eds.) *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. London: Cornell University Press. P. 235–264.
- Krasner S.D. (1999) *Sovereignty: organized hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press. 248 p.
- Kupriyanov A.V. (2019a). “Vestfal'skij mif” i “vestfal'skij” suverenitet. [The “Westphalian myth” and “Westphalian” sovereignty]. *Analiz i prognozirovanie. Zhurnal IMEMO*. No. 4. P. 11–23.
- Kupriyanov A.V. (2019b). “Vestfal'skij mif”: istoriya i kritika. [“The Westphalian Myth”: history and criticism]. *Analiz i prognozirovanie. Zhurnal IMEMO*. No. 3. P. 37–50.
- Lesaffer R. (2004). Peace treaties from Lodi to Westphalia. In: Lesaffer R. (ed.) *Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 9–44.
- Lesaffer R. (2014). The non-Westphalian Peace. *Oxford Public International Law (OPIL)*. Available at: <https://opil.ouplaw.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwest-phalian-peace> (accessed: 25.12.2021).
- Levin D.B. (1962). *Istoriya mezhdunarodnogo prava* [History of international law]. Moscow: IMO. 136 p.

- Lukashuk I.I. (1997). *Normy mezhdunarodnogo prava v mezhdunarodnoj normativnoj sisteme* [Norms of international law in the international regulatory system]. Moscow: Spark. 322 p.
- Martens F.F. (2008). *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannykh narodov* [Modern international law of civilized peoples]. V 2-x tomakh. Vol. 1. Moscow: Zertsalo. 368 p.
- Morgenthau H.J. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred Knopf. 489 p.
- O'Connell D.P. (1965). *International Law. Two vol.* Vol. I. London: Stevens and Sons Ltd. 651 p.
- Oppenghiem L. (1948). *Mezhdunarodnoe pravo. T. 1. Polutom 1. Perevod s anglijskogo* [International Law. Vol.1. Semi-half 1. Translated from English] Moscow: Inostrannaya literatura. 407 p.
- Osiander A. (2001). Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. *International Organization*. Vol. 55. No. 2. P. 251–287.
- Patton S. (2019). The Peace of Westphalia and its Affects on International Relations, Diplomacy and Foreign Policy. *The Histories*. Vol. 10. No. 1. P. 91–99.
- Porshnev B. F. (1970). *Frantsiya, Anglijskaja revolyutsija i evropejskaja politika v seredine XVII v.* [France, the English Revolution and European Politics in the Middle of the XVIIth Century]. Moscow: Nauka. 436 p.
- Prokopjev A.Ju. (2002). *Germanija v epokhu religioznogo raskola. 1555–1648* [Germany in the Age of the Religious Divisions. 1555–1648]. St. Petersburg: IC Gumanitarnaja Akademija. 384 p.
- Rembault A. (1890). *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française, v. Russie, livre premier*. Paris: Felix Alcan Editeur. 576 p.
- Revyakin A.V., Vasil'eva N.Yu. (2018). *Istoriya mezhdunarodny'x otnoshenij: v 3 tomakh. T. 1: Ot Vestfalskogo mira do okonchaniya Pervoj mirovoj vojny'*. [History of International Relations: in 3 volumes. Vol. 1: From the Peace of Westphalia to the end of the First World War] / Pod red. A.V. Torkunova, M.M. Narinskogo. 3-e izdanie. M.: Aspekt Press. 400 p.
- Safonov V. E. (2021). Vestfalskij traktat 1648 goda i ego vliyanie na formirovanie printsipov mezhdunarodnogo prava [The Treaty of Westphalia of 1648 and its influence on the formation of the principles of international law]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. Vol. 2. P. 110–117.
- Sayamov Yu.N. (2018). Vestfalskij mir i ego principy vchera i segodnya [The Peace of Westphalia and its principles yesterday and today]. *Vek globalizatsii*. No. 3 (27). P. 95–105.
- Schwarzenberger G. (1968). *International Law as Applied by International Courts and Tribunals*. London: Stevens & Sons Ltd. 881 p.
- Sinyakin I. I., Skuratova A. Yu. (2018). Normy jus cogens: istoricheskiy aspekt i sovremennoe znachenie dlya mezhdunarodnogo prava [Jus Cogens: The Historical Aspect and Contemporary Value for International Law]. *Vestnik Permskogo Universiteta: Yuridicheskie nauki*. No. 41. P. 526–545.
- Taube M. (1894). *Istoriya zarozhdeniya sovremennogo mezhdunarodnogo prava. (srednie veka). T. 1. Vvedenie i Chast Obshhaya* [The history of the origin of modern international law (Middle Ages). Vol.1. Introduction and General Part]. Saint Petersburg: Tipo-Litografiya P. I. Shmidta. 370 p.
- Teshke B. (2011). *Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdanie sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij* [The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Creation of Modern International Relations]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshej shkoly ekonomiki. 416 p.
- Thierry H. (1990). L'évolution du droit international: cours général de droit international public. In: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 222. Boston. P. 9–186.
- Thirlway H.W. (1972). *International Customary Law and Codification*. Leiden: Brill. 170 p.
- Tunkin G.I. (1989). Osobennosti sozdaniya obychnykh norm mezhdunarodnogo prava [Features of the creation of customary norms of international law]. In: Baskin Yu.A., Krylov N.B., Levin D.B., Movchan A.P., Mullerson R.A., Tunkin G.I., Usenko E.T., Ushakov N.A., Feldman D.I. *Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 tomakh. T. 1*. Moscow: Nauka. P. 189–220.
- Vattel E. (1960). *Pravo narodov ili principy` estestvennogo prava, primenyemye k povedeniyu i delam natsij i suverenov* [The law of peoples or the principles of natural law applied to the conduct and affairs of nations and sovereigns]. Moscow: Gosyurizdat. 720 p.
- Vylegzhanin A.N., Zagajnov E.T., Kapustin A.Ya, Nefedov B.I. (eds.) (2021). *Mezhdunarodnoe pravo v 2 ch. Chast 1* [International law in two parts. Part 1]. Moscow: Yurajt. 329 p.
- Weber C. (1995). *Simulating Sovereignty: Intervention, the State, and Symbolic Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, xiv, 147 p.
- Whaley J. (2012). *Germany and the Holy Roman Empire, Volume I: Maximilian I to the Peace of Westphalia 1493–1648*. New York: Oxford University Press. 637 p.